

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I ПЛАВУЧИЙ РИФ

Год 1866-й был отмечен странным, необъяснимым событием, и это событие памятно каждому. Не говоря уже о тревоге, охватившей жителей портовых городов, о возбуждении умов на континенте, оно сильно встревожило моряков. Негоцианты, хозяева судов, шкиперы, как в Европе, так и в Америке, офицеры военных флотов всех стран и даже правительства различных государств обоих полушарий — все были заинтересованы в высшей степени.

Дело в том, что с некоторого времени многие корабли встречали в открытом море какой-то огромный, длинный, веретенообразный предмет, временами фосфоресцирующий и несравненно больший по объему и быстрее движущийся, нежели кит.

Описания этого явления, занесенные в корабельные журналы, достаточно согласовались относительно строения загадочного предмета или существа, необычайной скорости его движений, огромной двигательной силы и той особенной жизненности, которой он, по-видимому, обладал.

Если это был кит, то он своим объемом значительно превосходил любое классифицированное наукой животное. Ни Кювье, ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж не подозревали о существовании подобного

животного, не говоря уже о том, что они никогда его не видели.

Придерживаясь средних размеров, определенных в разное время и различными наблюдениями, отбрасывая данные как слишком скромные, определявшие длину этого предмета в двести футов, так и значительно преувеличенные — доводившие длину до одной мили и даже до трех миль, надо, во всяком случае, признать, что это животное — феномен; если оно действительно существует, то своей величиной оно значительно превосходит размеры, установленные ихтиологами для морских существ.

Тем не менее оно существовало. Сам по себе факт этот не подлежит сомнению, и при склонности человеческого ума ко всему чудесному можно себе представить ту сенсацию, которую произвело во всем мире это сверхъестественное явление.

Отбрасывая неправдоподобные рассказы, можно сообщить только следующее.

Прежде всего, 20 июля 1866 года пароход «Гавернор-Хиггинсон», принадлежавший Калькуттскому обществу пароходства, встретил эту двигающуюся массу в пяти милях к востоку от берегов Австралии. В первую минуту капитану Бакеру показалось, что он видит перед собой неизвестную скалу. Он собрался уже точно определить ее местоположение, как вдруг два водяных столба, выброшенных этим загадочным предметом, поднялись со свистом в воздух на высоту в сто пятьдесят футов. Можно было предположить, что скала подвержена периодическим извержениям гейзеров или что «Гавернор-Хиггинсон» имел дело с каким-либо морским млекопитающим, до сих пор неизвестным, которое через свои носовые отверстия выбросило водяные струи, смешанные с паром и воздухом.

То же самое наблюдалось в том же году, 23 июля, в водах Тихого океана с парохода «Кристовал-Колон», принадлежавшего Вест-Индскому тихоокеанскому обществу пароходства. Таким образом, оказывалось, что этот кит мог перемещаться с изумительной быстротой, так как за три дня он должен был пройти интервал, отделявший «Гавернор-Хиггинсон» и «Кристовал-Колон», — расстояние более семисот морских лье¹.

Пятнадцать дней спустя в двух тысячах лье от последнего пункта пароходы «Гельвеция», принадлежавший Национальной компании, и «Шанон» — пароходной компании «Рояль-Мэйл», повстречавшись в той части Атлантического океана, которая отделяет Соединенные Штаты от Европы, указывали сигналами друг другу на чудовище, показавшееся под $42^{\circ} 15'$ северной широты и $60^{\circ} 35'$ западной долготы. При этом одновременно с противоположных пунктов рассчитали, что длина чудовища не менее трехсот пятидесяти английских футов², судя по тому, что и «Шанон», и «Гельвеция» казались меньше его, хотя каждый из них имел в длину сто метров. Надо заметить также, что самые огромные киты, посещающие Алеутские острова, Куламок и Умгулиль, никогда не превосходили пятидесяти шести метров в длину.

Эти сообщения, приходившие одно за другим, — новые наблюдения, произведенные с борта трансатлантического парохода «Пэрер», столкновение с чудовищем судна «Этна», совершавшего рейс в Инман, протокол, составленный офицерами французского фрегата «Нормандия», серьезные и обстоятельные наблюдения с борта «Лорд Кляда» командира Фитц-Джеймса, — сильно взволновали общественное мнение.

---

¹ *Лье* — французская миля, равная 5557 метрам.

² *Фут* — примерно 30,5 сантиметра.

ние. В странах, легкомысленно настроенных, феномен вышучивался, но в странах серьезных и практических, таких как Англия, Америка и Германия, им были сильно заинтересованы.

Повсюду в больших центрах чудовище стало модным. Его воспевали в кофейнях, над ним издевались в газетах и представляли в театрах. У газетных уток теперь была отличная возможность нести яйца всех цветов и оттенков. В журналах появились, как копии с натуры, все фантастические и гигантские существа, начиная с белого кита гиперборейских стран и заканчивая чудовищными осьминогами, могущими своими щупальцами опутать судно в пятьсот тонн и увлечь его в недра океана. Откопали даже протоколы древних времен, мнения Аристотеля и Плиния, поддерживающие существование таких чудовищ, опирались на норвежские отчеты епископа Понтопидана, на описания Поля Геггеда и, наконец, на донесения Харрингтона, правдивость которых не подлежала никакому сомнению, так как он утверждал, что лично видел с борта судна «Кастилан» в 1857 году огромного змея.

Тогда в ученых обществах и научных журналах возникла нескончаемая полемика между верующими и неверующими. Вопрос о чудовище воспламенил все умы. Журналисты с научным образованием в борьбе с журналистами, выезжающими на остроумии, пролили потоки чернил в эту достопамятную кампанию, а некоторые даже две или три капли крови, так как в вопросе о морском чудовище они видели себя лично оскорбленными.

Шесть месяцев длилась война с переменным успехом. На статьи, печатаемые Географическим бразильским институтом, Королевской берлинской академией наук, британским обществом Смитсоновского института в Вашингтоне, на научные отчеты журналов: «Индиан Аршипелаго», «Космоса» аббата Муа-

ньо, «Миттейлунген» Петерманна, на научную хронику толстых французских и иностранных журналов мелкая пресса отвечала злыми насмешками. Эти остроумные писатели, пародируя Линнея, опирались на ту истину, что природа не делает скачков.

Наконец, в статье одного сатирического журнала, очень распространенного, любимый публикой автор, коснувшись всего этого, набросился на чудовище и нанес ему окончательный удар среди всеобщего хохота. Остроумие победило науку.

В продолжение первых месяцев 1867 года казалось, что вопрос был похоронен и не мог больше возродиться, как вдруг до сведения публики дошли новые факты. Теперь вопрос касался не только разрешения интересной научной задачи, но и реальной опасности, которую необходимо устранить. Вопрос принял другой оборот. Чудовище превратилось в островок, скалу, риф, но риф плавающий, непонятный и неуловимый.

5 марта 1867 года пароход общества Монреальской океанской компании под названием «Моравиа», находившийся ночью под $27^{\circ} 30'$ широты и $72^{\circ} 15'$ долготы, ударился сзади правым бортом о скалу, которая не была обозначена ни на одной морской карте. Благодаря попутному ветру и своей машине в четыреста лошадиных сил пароход шел со скоростью тринадцать узлов. Никто не сомневался, что получивший пробоину «Моравиа» только благодаря замечательной крепости своего корпуса мог держаться на воде, ибо в противном случае он пошел бы ко дну вместе со всеми ста тридцатью семью пассажирами, которых он вез из Канады.

Столкновение произошло на заре, около пяти часов утра. Офицеры, стоявшие на вахте, бросились к корме. Они ничего не увидели, кроме сильной струи, рассекавшей поверхность воды. На расстоянии трех

кабельтовых местонахождение было определено точно, и он продолжал свой путь, не получив, по-видимому, повреждений. Никто не мог сказать, на что он наткнулся. Была ли то подводная скала или плавающие в океане огромные обломки разбитого судна — неизвестно. При осмотре в доке подводной части треть киля оказалась сломанной.

Этот случай, весьма важный сам по себе, быть может, был бы вскоре забыт, как и многие другие, если бы спустя три недели он не повторился при таких же условиях. Благодаря национальности судна, погибшего при этом столкновении, а также значению компании, которой оно принадлежало, событие это сделалось злобой дня.

Многим известно имя знаменитого судостроителя англичанина Кюнарда. В 1840 году он основал почтовое сообщение между Ливерпулем и Галифаксом, для чего предназначены были три парохода, каждый в четыреста лошадиных сил, и одна яхта в тысячу сто шестьдесят две тонны водоизмещением. Спустя восемь лет деятельность компании значительно расширилась: она построила еще четыре парохода — каждый в шестьсот пятьдесят лошадиных сил и в тысячу восемьсот тонн водоизмещением, а спустя два года — еще два парохода со значительно превосходящим тоннажем. В 1852 году компания Кюнарда, получившая старинную привилегию на доставку депеш, вновь построила на своих верфях огромные пароходы: «Аравия», «Китай», «Шотландия», «Ява» и «Россия». Таким образом, в 1867 году компания располагала двенадцатью первоклассными пароходами, из которых восемь были колесные, а прочие четыре — винтовые.

Если я сообщаю эти подробности, то для того, чтобы каждый ознакомился со значением этой компании

морского судоходства. Ни одно дело в трансатлантическом плавании не велось так умело, ни одно предприятие не сопровождалось таким выдающимся успехом. В течение двадцати шести лет пароходы Кюнарда две тысячи раз пересекли Атлантический океан и ни разу не опоздали в срочном отправлении и доставке пассажиров и товаров, ни разу не пропало ни одно письмо и не погиб ни один пассажир. И несмотря на сильную конкуренцию, английское трансокеаническое сообщение все-таки продолжало пользоваться предпочтением. Теперь станет совершенно понятным то сильное впечатление, которое вызвало странное происшествие с одним из лучших пароходов общества Кюнарда.

13 апреля 1867 года на море стояла прекрасная погода. Пароход «Шотландия» находился под $45^{\circ} 37'$ широты и $15^{\circ} 12'$ долготы. Тысячесильный пароход шел со скоростью тринадцать узлов, при работе машины в шесть тысяч лошадиных сил, равномерно разбивая волны своими огромными колесами. Он сидел в воде на шесть метров семьдесят пять сантиметров, водоизмещение его равнялось шести тысячам шестистам двадцати четырем кубическим метрам.

В четыре часа семнадцать минут вечера пароход обо что-то ударился кормовой частью несколько позади левого колеса: в общем удар был малочувствителен.

Но, как оказалось, не «Шотландия» на что-то натолкнулась, а нечто натолкнулось на нее, и притом каким-то острым режущим орудием. Сам удар был настолько слаб, что никто на палубе не обратил на это внимания, пока не показали на ней матросы, кричавшие: «Идем ко дну! Идем ко дну!»

В первую минуту пассажиров охватил страх, но капитану Андерсону удалось их успокоить. И дейст-

вительно, опасности не было никакой, так как «Шотландия» разделялась непроницаемыми перегородками на семь частей.

Капитан Андерсон, спустившись в трюм, обнаружил, что одна из этих частей залита водой. К счастью, здесь не было паровых котлов.

Капитан Андерсон приказал застопорить машину, и один из матросов нырнул, чтобы осмотреть пролом. Через несколько минут стало известно, что в подводной части корпуса парохода пробито отверстие шириной в два метра. Заделать пролом не представлялось возможности, но тем не менее «Шотландия» продолжала путь с колесами, погруженными до половины в воду. Во время столкновения она находилась на расстоянии трехсот миль от мыса Клэр и, опоздав на три дня, благополучно достигла Ливерпуля, жителей которого сильно встревожило это опоздание.

«Шотландия» была введена в сухой док, и инженеры приступили к осмотру ее подводной части. Они не верили своим глазам: на два с половиной метра ниже ватерлинии находилось отверстие в виде равнобедренного треугольника. Края пробоины железной обшивки имели ровный вид, словно они были прорезаны резцом. Несомненным было, что пробоину образовало какое-то орудие, которое двигалось с необычайной силой; пробив листовое железо в четыре сантиметра, оно отошло назад, подчиняясь какому-то непонятному возвратному движению.

Вот те данные, которые раскрыл осмотр судна. Происшествие с «Шотландией» снова взволновало общественное мнение.

Фантастическому чудовищу пришлось принять на себя ответственность за все кораблекрушения, число которых, к сожалению, значительно. Из трех тысяч кораблей, о гибели которых ежегодно сообщается

в «Бюро-Веритас», число кораблей и пароходов, которые пропадают без вести, достигает двухсот.

Таким образом, справедливо или несправедливо, но чудовище считалось причиной исчезновения всех этих судов; вследствие этого сообщения между различными континентами становились все более и более опасными, и публика предъявила категорическое требование, чтобы моря были очищены во что бы то ни стало от этого ужасного «кита».

Глава II **«ЗА» И «ПРОТИВ»**

В разгар этих событий я возвращался из научной экспедиции, предпринятой с целью исследования Небраски в Соединенных Штатах. Я был командирован в эту экспедицию французским правительством как адъютант-профессор при Музее естественной истории в Париже. Пробыв шесть месяцев в Небраске, я с драгоценной коллекцией прибыл в Нью-Йорк в конце марта. Мой отъезд во Францию назначен был в первых числах мая. В ожидании этого времени, когда я занимался приведением в порядок моих минералогических, ботанических и зоологических богатств, неожиданно произошел инцидент с судном «Шотландия».

Я внимательно следил за всеми известиями об этом событии, читая и перечитывая все европейские и американские газеты. Однако разъяснение этого события ни на один шаг не продвигалось вперед. Таинственность сильно меня интриговала. Не имея достаточных данных, чтобы составить определенное мнение, я бросался из одной крайности в другую. Что кто-то или что-то существовало, в этом не могло быть

сомнения, и неверующие могли вложить руки в пробоину «Шотландии».

Обсуждение этого вопроса было в полном разгаре до моего прибытия в Нью-Йорк. Гипотеза о плавучем острове или подвижной скале, поддерживаемая малокомпетентными лицами, была отброшена. И действительно, каким образом могла бы двигаться с такой поразительной скоростью скала, раз внутри ее не было машины?

Отвергнуто было также предположение о плавающем корпусе огромного разбитого корабля — опять-таки ввиду той же изумительной скорости движения.

Оставалось два предполагаемых решения вопроса, которые учитывали совершенно различные взгляды: одни стояли за чудовищное животное колоссальной мощи, другие — за подводное судно с огромной двигательной силой.

Однако последняя гипотеза, несмотря на всю ее вероятность, подрывалась некоторыми данными, добытыми розысками, предпринятыми в обоих полушариях. К тому же трудно было допустить, чтобы частное лицо могло создать себе таких огромных размеров механическое чудо. Где и как оно могло бы его построить и сохранить это в тайне?

Если кто и мог построить такую разрушительную машину, то только государство. Да, в это время, когда ум человеческий напрягал все усилия и способности для изобретения разрушительных орудий войны, возможно, что какое-либо государство достигло особых успехов в этом направлении и сохраняло их в тайне. После ружей Шасепо — торпеды; после торпед — подводные мины.

Появления еще более разрушительного орудия надо было ожидать. Но предположение о военной разрушительной машине отпадало вследствие заявления

правительств, что подобных снарядов или машин в их распоряжении нет. Дело получило общественный интерес, и притом страдали тихоокеанические сообщения; приходилось доверять правительствам. Затем, трудно было допустить, чтобы постройка столь огромного судна могла укрыться от наблюдений. В подобных случаях и частному лицу трудно сохранить тайну, а за действиями государств ревниво следят державы-соперники.

И снова стала считаться наиболее вероятной идея о существовании морского чудовища.

Таким образом, после разведок, произведенных в Англии, Франции, Германии, России, Италии, даже в Турции, гипотеза о подводном «мониторе» была окончательно отброшена.

По моем возвращении в Нью-Йорк многие лица оказали мне честь, консультируясь со мной для объяснения этого интересного феномена. Во Франции мною был издан труд в двух томах *in quarto*¹, озаглавленный «Тайны морских глубин». Эта книга, благожелательно принятая ученым миром, создала мне репутацию специалиста в этой, пока весьма туманной, области естественной истории. Было спрошено мое мнение. Пока сам факт не был неопровержимо доказан, я его отрицал. Но вскоре был, что называется, прижат к стене и вынужден дать категорическое объяснение. И distinguished Пьер Аронакс, профессор Парижского музея, призван был газетой «Нью-Йорк геральд» высказать по этому вопросу свое мнение.

Пришлось подчиниться общественному требованию. Я заговорил потому, что нельзя было молчать. Я рассматривал вопрос со всех его сторон, как научных, так и политических, и привожу здесь заключе-

---

¹ В четверть бумажного листа (*лат.*).

ние статьи, которую я поместил в номере упомянутой газеты от 30 апреля.

«Итак, — писал я, — рассмотрев последовательно все различные гипотезы, приходится по необходимости допустить существование морского животного, обладающего изумительным могуществом.

Наибольшие глубины океана нам совершенно неизвестны. Ни один лот никогда не достигал их дна. Что совершается в этих бесконечных пропастях? Какие существа живут в них и могут обитать на глубине двенадцати или пятнадцати миль? Какова организация этих животных? Все это вопросы, на которые нельзя ответить даже предположениями.

Поэтому решение проблемы должно принять форму дилеммы.

Или нам известны все виды животных, живущих на нашей планете, или же не все.

Если в рыбном царстве имеются некоторые виды, которые составляют для науки тайну, то весьма понятно, что можно допустить существование рыб или китообразных животных совершенно новых видов или даже родов, приспособленных для жизни в морских глубинах, недоступных для лота, и которых какой-либо случай, даже прихоть, заставляет появляться временами в верхних слоях и даже на поверхности океана.

Если же, напротив, нам известны все живущие виды, тогда необходимо отыскивать это животное в среде обитателей морей, уже помеченных в каталогах, — и в этом случае я склонен отнести его к нарвалам-гигантам.

Обыкновенный нарвал, иначе морской однозуб, достигает часто шестидесяти футов в длину. Увеличьте эти размеры в пять, даже в десять раз, дайте этому китообразному животному силу, пропорциональную

его росту, усильте его средства к нападению — и вы получите искомое животное. Это пропорциональное увеличение не только возможно, но и подтверждается как факт: размеры — офицерами судна „Шанон“, орудие, необходимое для пролома борта и повреждения, — инцидентом с „Шотландией“.

И действительно, нарвал вооружен подобием алебарды, по выражению некоторых натуралистов. В сущности, это зуб, обладающий твердостью стали. Такие зубы находили воткнутыми в тело китов, которых нарвал с успехом атакует; такие же зубы приходилось с большим трудом вытаскивать из кораблей, которые они пронизывали насквозь, как бурав просверливает бочку. Музей парижского медицинского факультета обладает одним из таких зубов, длиною в два метра двадцать пять сантиметров и толщиной у основания в сорок восемь сантиметров.

Представьте себе орудие в десять раз большее, животное в десять раз могущественнее, не забудьте, что оно движется со скоростью двадцать миль в час, — и вы получите представление о силе удара, который всегда произведет катастрофу, подобную с „Шотландией“.

До получения более подробных исследований я склоняюсь к мнению, что это морской нарвал колоссальных размеров, но снабженный не алебардой, а чем-то вроде острого тарана, какой встречается у броненосных фрегатов, на которые он походил и своей массой, и могуществом двигательной силы.

Такое объяснение может быть дано этому загадочному феномену».

Последние слова имели заднюю мысль: я хотел до известной степени охранить мое достоинство как профессора и, чтобы не давать американцам повода смеяться, заручился лазейкой, хотя, в сущности, верил в существование чудовища.

Моя статья горячо обсуждалась и получила весьма широкую известность. Очень многие согласились с моими взглядами. Предлагаемое решение предоставляло полный простор воображению. Человеческий ум склонен к созданию грандиозных сверхъестественных существ. Море представляет собой подходящую среду для рождения и развития таких гигантов, перед которыми земные животные вроде хотя бы слона или носорога — карлики. В водах обитают самые крупные представители класса млекопитающих, а быть может, и колоссальных размеров моллюски, ужасающего вида ракообразные, как, например, омары в сто метров длиной или крабы в двести тонн весом. Почему нет? Одно время современные геологическим периодам земные животные: четвероногие, четверорукие, пресмыкающиеся, птицы — были сделаны по моделям огромной величины. Создатель дал им гигантские формы, которые время мало-помалу уменьшало. Почему море в своих неизведанных глубинах не могло сохранить эти памятники жизни прошедшего времени, тогда как условия земного существования постоянно видоизменялись? Почему оно не могло сохранить в своих недрах последних представителей этих титанических видов, года которых считаются веками, а века — тысячелетиями?

Но если одни усматривали в этом проблему чисто научного интереса, то другие — позитивисты и по преимуществу американцы и англичане — желали во что бы то ни стало очистить океан от такого чудовища и обезопасить трансокеанические сообщения. Промышленные и торговые журналы трактовали вопрос с этой точки зрения. «Шиппинг энд меркэнтайл газет», «Ллойд», «Пакетбот» и «Ревю-маритим-колонналь» — все листки, субсидируемые страховыми обществами, поддерживали это требование и грозили увеличить страховую премию.

Общественное мнение вскоре высказалось, и первыми отозвались американцы. В Нью-Йорке стали снаряжать экспедицию для преследования нарвала. Броненосный фрегат «Авраам Линкольн», снабженный тараном и отличавшийся скоростью хода, должен был выйти в самом непродолжительном времени в море. Арсеналы были открыты для капитана Фаррагута, который энергично приступил к вооружению фрегата.

Но когда решено было отправиться преследовать чудовище, оно, как это часто бывает, более не показывалось. В течение двух месяцев о нем ничего не было слышно. Ни одно судно нигде его не встречало. Казалось, что оно проведало о состоявшемся против него заговоре. Так много о нем говорили. Шутники рассказывали, что этот тайный плут перехватил одну из телеграмм, которая сильно его напугала.

И вот, когда фрегат был уже снаряжен для далекой кампании и снабжен гигантскими рыболовными снастями, никто не знал, куда его отправить. Нетерпение росло, как вдруг 2 июля получено было известие, что судно «Тампико», совершавшее рейсы между Сан-Франциско в Калифорнии и Шанхаем, встретило три недели назад чудовище в северных морях Тихого океана.

Это известие вызвало сильную сенсацию. Менее чем за двадцать четыре часа капитан Фаррагут должен был выйти в море. Фрегат был снабжен всеми жизненными продуктами, камеры переполнены каменным углем, экипаж находился в полном составе налицо. Оставалось только затопить печи, развести пары и отчалить. Капитану Фаррагуту не простили бы и полдня, если бы он почему-либо задержал выход судна; впрочем, он сам страстно желал поскорее выйти в море. За три часа до отхода «Авраама Линколь-

на» из гавани Бруклина я получил письмо следующего содержания:

*Господину Аронаксу,
профессору Парижского музея.
Гостиница «Пятая авеню», Нью-Йорк.*

Милостивый государь!

Если Вы желаете принять участие в экспедиции «Авраама Линкольна», то правительству Соединенных Штатов будет приятно видеть представительство Франции в Вашем лице. Капитан судна Фаррагут предоставляет в Ваше полное распоряжение отдельную каюту.

Сердечно преданный вам

*Д. Б. Гобсон,
секретарь Морского министерства*

Глава III

КАК БУДЕТ УГОДНО ГОСПОДИНУ!

За три секунды до получения письма от Гобсона я столь же мало думал о преследовании нарвала, сколько о проходе через Северо-Западный пролив. Но три секунды спустя после того, как я окончил чтение письма уважаемого секретаря флота, я понял, что мое истинное призвание, единственная цель жизни заключаются в преследовании этого беспокойного чудовища и в освобождении от него мира.

Между тем я возвратился из трудного путешествия утомленным и жаждал отдыха. Я мечтал только возвратиться на родину, поскорее увидеть моих друзей, мою небольшую квартиру в Ботаническом саду и мои милые и драгоценные коллекции. Но теперь ничто не могло меня удержать. Я забыл все: усталость, друзей, коллекции — и принял без рассуждения предложение американского правительства. «К тому же, —

думал я, — все пути ведут в Европу, и животное будет настолько любезно, что приблизит меня к берегам Франции. Оно позволит изловить себя в европейских морях — для моего личного удовольствия, — и я доставлю в музей естественной истории никак не менее полуметра его костяной алебарды».

Но пока приходилось разыскивать нарвала на севере Тихого океана; и для того, чтобы отправиться во Францию, надо было предварительно отправиться в противоположную сторону.

— Консель! — крикнул я нетерпеливым голосом.

Консель был мой слуга. Молодой человек, вполне мне преданный и сопровождавший меня во всех моих путешествиях, которого я любил так же, как и он меня. Этот фламандец по происхождению отличался хладнокровностью по природе, аккуратностью и точностью по принципу, усердием по привычке; он мало удивлялся неожиданностям в жизни, был находчив и ловок во всех поручениях и в любой службе и, вопреки своему имени, никогда не давал советов, даже когда его о том просили¹.

Вращаясь среди нашего маленького кружка ученых Ботанического сада, Консель кое-чему научился. Он был специалистом в классификации естественной истории и с легкостью акробата взбирался по лестнице групп, классов, подклассов, семейств, родов, видов и разновидностей. Но здесь и кончались его знания. Классифицировать — это была его сфера, и далее он не шел. Прекрасно ознакомленный с теорией классификации, он был настолько слаб в практике, что навряд ли отличил бы кашалота от кита. Но за всем тем он был прекрасный и с большими достоинствами молодой человек.

---

¹ По-французски conseil — совет.

До настоящего времени, в течение десяти лет, Консель следовал за мною повсюду, куда вели меня научные работы. Он никогда не жаловался на продолжительность или утомительность путешествия и никогда не имел ничего против поездки в какую бы то ни было страну, как бы ни была она отдалена, будь то Китай или Конго. Он отправлялся туда без всяких расспросов. К тому же он обладал прекрасным здоровьем, которое не хотело знать никаких болезней, сильными мускулами без нервов, понимая последнее, разумеется, в переносном смысле.

Этому малому шел тридцатый год. Его возраст относился к возрасту его господина, как пятнадцать относится к двадцати. Да простят мне, что я таким образом хочу сказать, что мне было сорок лет.

Однако Консель имел один недостаток. Завзятый формалист, он со мною говорил не иначе как в третьем лице, что иногда раздражало меня.

— Консель, — повторил я, принимаясь с лихорадочной торопливостью готовиться к отъезду.

Я настолько был уверен в его преданности мне, что не имел обыкновения спрашивать его согласия следовать за мной в моих странствованиях, но на этот раз пришлось изменить этому обыкновению, так как экспедиция могла на неопределенное время затянуться и само мероприятие требовало большой смелости и казалось рискованным: животное, которое предстояло преследовать, способно было расколоть корпус фрегата, как скорлупу ореха. Было над чем задуматься самому беззаботному человеку в мире. Посмотрим, что скажет Консель.

— Консель! — крикнул я в третий раз.

— Господин меня звал? — обратился он ко мне, входя.

— Да, Консель, укладывай свои вещи и собирайся сам! Мы едем через два часа.

— Как угодно господину, — ответил он спокойно.
— Не теряй ни секунды. Уложи в мой чемодан все дорожные принадлежности, платье, белье, носки, как можно больше, и поскорей!

— И коллекции господина? — добавил он.

— Ими займемся после.

— Как! А архиотерии, гиракотерии, ореодоны, херопотамусы и прочие чучела господина?

— Они останутся на хранении в гостинице.

— А бабирусса господина?

— Ее будут кормить в наше отсутствие! К тому же я распоряжусь весь наш зверинец отправить во Францию.

— Следовательно, мы не едем в Париж? — спросил Консель.

— А то как же... конечно... — ответил я, — только мы сделаем большой крюк.

— Это как угодно господину, — ответил равнодушно Консель.

— Это пустяк! Не совсем прямая дорога, вот и все; мы отправляемся на «Аврааме Линкольне».

— Как желает господин, — ответил тем же тоном Консель.

— Ты знаешь, мой друг, дело идет о чудовище... пресловутом нарвале, и мы очистим от него море. Автор труда, *in quarto* в двух частях, озаглавленного «Тайны морских глубин», не может отказаться сопровождать капитану Фаррагуту. Почетная миссия, но и опасная. Неизвестно, куда идти... Это животное может оказаться очень капризным. Но мы все-таки будем его разыскивать и преследовать.

— Куда пойдет господин, я за ним последую, — ответил Консель.

— Подумай хорошенько, я не хочу ничего от тебя скрывать. Это одно из таких путешествий, из которых не всегда возвращаются.

— Как угодно будет господину.

Четверть часа спустя наши чемоданы были уложены. Консель живо все собрал, и я уверен, что ничего не было забыто; он так же умел прекрасно классифицировать все виды белья и платья, как птиц и млекопитающих.

Служитель гостиницы сложил все вещи в вестибюле. Сойдя в нижний этаж, я отправился в контору, чтобы расплатиться по счету и распорядиться отправкой всех моих тюков с препарированными животными и высушенными растениями в Париж. Я также открыл достаточный кредит моей бабируссе и в сопровождении Конселя сел в карету.

Экипаж за двадцать франков в один конец проехал по улице Бродвей в Юнион-сквер, затем по Четвертой авеню доехал до Боуэри-стрит, повернул в Катрин-стрит и остановился у Тридцать четвертого пирса. Отсюда перевезли нас в Бруклин — большое предместье Нью-Йорка, расположенное на левом берегу Ист-Ривер, — и через несколько минут мы были уже на набережной, у которой стоял «Авраам Линкольн», пыхтя и выбрасывая из обеих своих труб густые клубы черного дыма.

Наш багаж был немедленно доставлен на палубу фрегата. Я пошел вслед за ним и спросил капитана.

Один из офицеров проводил меня на ют, где я встретил высокого роста, весьма представительного офицера, который протянул мне руку.

— Профессор Пьер Аронакс? — спросил он меня.

— Он самый, — ответил я. — Капитан Фаррагут?

— Перед вами! Добро пожаловать, господин профессор. Вам отведена уже каюта.

Я поклонился и, не желая отвлекать капитана от его служебных обязанностей, отправился в назначенную мне каюту.

Назначение «Авраама Линкольна» к предстоящей экспедиции надо признать весьма удачным, и он был к этому вполне приспособлен. Это был один из быстроходнейших фрегатов, снабженный особыми аппаратами для усиленной топки, так что давление паров можно было довести до восьми атмосфер. Под таким давлением средняя скорость хода фрегата достигала восемнадцати и трех десятых узла — весьма значительная скорость, хотя и недостаточная для преследования гигантского китообразного животного.

Внутреннее устройство фрегата вполне отвечало его морским качествам. Я остался весьма доволен отведенной мне каютой, расположенной в кормовой части, сообщавшейся с кают-компанией.

— Нам будет здесь хорошо, — обратился я к Конселю.

— Настолько хорошо, насколько это понравится господину, — ответил Консель.

Я оставил Конселя разбирать наши чемоданы, а сам отправился на палубу, чтобы наблюдать за приготовлениями к отплытию.

В это время капитан Фаррагут приказал ослабить последние канаты, которые удерживали «Авраама Линкольна» у пристани Бруклина. Следовательно, опоздай я на четверть часа и даже менее, фрегат ушел бы без меня и я не участвовал бы в этой необыкновенной, сверхъестественной и невероятной экспедиции, правдивый рассказ о которой вызовет недоверие у многих.

Капитан Фаррагут не желал терять не только ни одного дня, но даже часа, стремясь как можно скорее достичь того моря, в котором в последний раз было замечено чудовище. Он позвал инженера-механика.

— Разведены ли у нас в достаточной мере пары? — спросил он.

— Да, капитан, — ответил инженер.

— Полный вперед! — скомандовал Фаррагут.

Пар засвистал, врываясь в распределительные корбки. Длинные горизонтальные поршни застонали и привели в действие шатуны. Лопасты винта начали врезаться в воду с поразительной скоростью, и «Авраам Линкольн» стал величественно продвигаться вперед посреди сотни различного наименования мелких паровых судов, которые составляли некоторое время как бы кортеж фрегата.

Вся набережная Бруклина и вся часть города, расположенная по берегу Ист-Ривер, были заполнены толпами любопытных. Троекратное «ура» пяти тысяч человек выражало пожелание полного успеха. Тысячи платков развевались над головами тесно сомкнувшейся толпы и приветствовали «Авраама Линкольна» до его вступления в воды Гудзона у оконечности продолговатого полуострова, на котором, собственно, и расположился Нью-Йорк.

Когда фрегат, двигавшийся в сторону Нью-Джерси вдоль красивейшего берега, застроенного вилами, проходил мимо фортов, они приветствовали его громом своих пушек. «Авраам Линкольн» в ответ трижды приветственно поднял и приспустил американский флаг с тридцатью девятью звездами на бизань-мачте; затем судно, входя в фарватер, размеченный во внутренней бухте, должно было обогнуть песчаную отмель Санди-Хука, и здесь его вновь приветствовало множество горожан.

Разнообразные лодки следовали за «Авраамом Линкольном» до плавающих маяков, обозначающих своими огнями вход в Нью-Йоркский порт.

Пробило три часа. Лоцман спустился с корабля в шлюпку, доставившую его на поджидавшую под ветром шхуну. Фрегат убыстрял ход, двигаясь вдоль

желто-песчаного низкого берега Лонг-Айленда; в восемь часов огни Файр-Айленда на северо-востоке скрылись из виду, и теперь корабль под всеми парами рассекал темные воды Атлантического океана.

Глава IV НЕД ЛЕНД

Капитан Фаррагут был хороший моряк, вполне достойный того фрегата, который вверен был его командованию. Он и его судно составляли одно целое, капитан был его душой. Относительно существования чудовищного животного он ничуть не сомневался, и никто на его судне не смел высказывать сомнения. Он так же верил в него, как некоторые женщины верят в левиафана, — верою, но не рассудком. Чудовище существовало, он освободит море от него, он в этом был уверен. Капитан был в своем роде родосский рыцарь Дьедонне де Гозон, который шел навстречу змею, разорявшему его остров. Или капитан убьет нарвала, или нарвал убьет капитана; иначе быть не могло.

Офицеры фрегата разделяли мнение своего начальника. Надо было послушать, как они толковали, спорили, рассчитывали все шансы, окидывая взором необъятное пространство океана. Многие из них добровольно несли вахту, тогда как при других обстоятельствах каждый из них проклинал бы эту обязанность. Пока солнце описывало свой дневной полукруг, матросы все время теснились на рангоуте, так как доски моста жгли им ноги и они не могли стоять на месте. А между тем «Авраам Линкольн» не рассекал еще форштевнем подозрительных вод Тихого океана.

Что касается экипажа, то каждый только желал встретиться с нарвалом, загарпунить его, втащить на

палубу и разрубить на части. Все с особенным вниманием вглядывались в глубь морских вод. К тому же каждый был заинтересован премией в две тысячи долларов, обещанных капитаном Фаррагутом тому, кто первый заметит животное, будь то юнга или матрос, боцман или офицер. Можно себе представить, в каком напряженном состоянии находился орган зрения экипажа «Авраама Линкольна». Что же касается лично меня, я не отставал от других и не уступал никому мою долю в ежедневных наблюдениях. Да, фрегат имел в сто раз более прав называться «Аргус». Один только среди нас — Консель — относился весьма равнодушно к столь волновавшему нас вопросу и вносил диссонанс в энтузиазм, царивший на палубе.

Я уже говорил, что капитан Фаррагут тщательно снабдил свое судно специальными аппаратами и снастями для поимки гигантского кита. Ни одно китобойное судно не было так вооружено. У нас были все известные снаряды, начиная с остроги, метаемой рукой, и кончая разрывными пулями и зубчатыми стрелами. На баке стояло орудие в виде небольшой пушки с очень толстыми стенками и узким каналом, модель которой впоследствии находилась на Всемирной выставке 1867 года. Это драгоценное орудие американского изобретения метало свободно конический снаряд весом в четыре килограмма на расстояние в шестнадцать километров.

Следовательно, «Авраам Линкольн» обладал всевозможными в данном случае средствами нападения и разрушения. Но было нечто еще более интересное — это сам Нед Ленд, царь гарпунщиков.

Нед Ленд, по происхождению канадец, обладал замечательно верной рукой и в своем опасном ремесле не имел себе равных. Ловкость и хладнокровие, смелость и хитрость — вот те качества, которыми он

обладал в высшей степени, и надо было быть очень изворотливым китом или особенно лукавым кашалотом, чтобы ускользнуть от удара гарпуна Неда Ленда.

Неду Ленду было около сорока лет. Это был высокого роста мужчина, более шести английских футов, крепко сложенный, внушительного вида, необщительный и всегда сердившийся, когда ему противоречили. Его личность обращала на себя внимание, а твердость взгляда придавала особую выразительность его физиономии. Я полагаю, что капитан Фаррагут весьма разумно поступил, пригласив в состав своего экипажа этого человека; он по верности глаза и руки один стоил всего экипажа.

Сказать «канадец» — то же, что сказать «француз», и я должен заявить, что, несмотря на его необщительность, ко мне он питал влечение и расположение. Моя национальность, несомненно, притягивала его ко мне. Она предоставляла ему случай говорить со мною, а мне слушать тот старый язык Рабле, который еще до сих пор в обычае в некоторых канадских провинциях. Семейство канадца-гарпунщика было родом из Квебека, и все члены этой семьи отличались как смелые рыболовы еще в то время, когда город принадлежал Франции.

Мало-помалу Нед вошел во вкус разговора, и я с удовольствием выслушал повесть о его похождениях в полярных морях. Он рассказывал о своих охотах и битвах с безыскусной поэзией. Его рассказ облекался в эпическую форму, и мне казалось, что я слушаю одного из канадских Гомеров, воспевающего Илиаду гиперборейских стран.

Я описываю этого смелого моего товарища, каким он был в действительности. Теперь мы стали старыми друзьями, соединенными той неразрывной дружбой, которая рождается и крепнет в самых ужасных испы-

таниях! Бравый Нед! Я желал бы еще прожить сто лет, чтобы только дольше вспоминать о тебе!

А теперь коснемся вопроса, какого мнения был Нед Ленд насчет морского чудовища. Я должен заявить, что он ничуть не верил в появление нарвала и был единственным человеком, который не разделял общего мнения экипажа. Он даже избегал говорить по этому вопросу, но я все-таки надеялся заставить его в один прекрасный день высказаться.

В один чудный вечер, 30 июля, три недели спустя после нашего отъезда, фрегат находился на высоте мыса Бланка, в тридцати милях, под ветром, от Патагонских берегов. Мы уже миновали тропик Козерога; в семистах милях к югу находился Магелланов пролив. Менее чем через восемь дней «Авраам Линкольн» должен был войти в воды Тихого океана.

Я и Нед Ленд сидели на юте, вели беседу, всматриваясь в таинственное море, глубины которого остаются пока неизведанными. Весьма естественно, что я свел разговор на тему о гигантском нарвале и обсуждал все шансы «за» и «против» успеха нашей экспедиции. Затем, ввиду того что Нед ничем мне не возражал, я спросил его напрямик:

— Послушайте, Нед, почему вы не хотите признать существование кита, которого мы намерены преследовать? Может быть, вы имеете на то особые причины?

Гарпунщик в течение нескольких минут молча смотрел на меня, затем, ударив себя по широкому лбу, закрыл глаза, как бы обдумывая свой ответ, и наконец произнес:

— Быть может, он и существует, господин Аронакс.

— Между тем вы, Нед, гарпунщик по профессии, который так близко знаком с крупными морскими млекопитающими, вы, воображение которого более

склонно принять гипотезу гигантских китообразных животных, — вы должны быть последним из тех, которые ее отвергают.

— В этом-то вы и ошибаетесь, господин профессор, — ответил Нед. — Простолюдин может верить в необыкновенные кометы, пересекающие пространства, или в существование допотопных животных, населяющих внутренность земного шара; но астроном или геолог отвергает подобные химеры. Так и китобоец. Я преследовал многих китов, многих пробил гарпуном, многих убил; но, несмотря на их колоссальную силу, ни их хвосты, ни их бивни не в состоянии пробить листовое железо, покрывающее борта парохода.

— Говорят, что бивень нарвала пробивает насквозь большие суда.

— Деревянные суда, это возможно, — ответил канадец, — но я такого никогда не видел. И до тех пор, пока не увижу, я ни за что не поверю, чтобы киты, кашалоты или нарвалы были в состоянии это сделать.

— Послушайте, Нед...

— И слушать не хочу, господин профессор. Говорите о чем хотите, только не об этом. Гигантский спрут, может быть...

— Еще менее, Нед. Спрут принадлежит к моллюскам, тело которых мягко. Будь спрут в пятьсот футов длины, он все-таки не позвоночное животное и совершенно безвреден для таких судов, как «Шотландия» или «Авраам Линкольн». Надо отнести к области сказок рассказы о подвигах гигантских осьминогов и тому подобных чудовищ.

— Итак, господин натуралист, — произнес не без иронии Нед Ленд, — вы продолжаете верить в существование какого-то гигантского кита?

— Да, Нед, и это мое убеждение опирается на логику фактов. Я верю в существование могуществен-

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. Плавающий риф	5
Глава II. «За» и «против»	13
Глава III. Как будет угодно господину!	20
Глава IV. Нед Ленд	27
Глава V. В погоне за приключениями	35
Глава VI. На всех парах	43
Глава VII. Кит неизвестной породы	53
Глава VIII. «Mobilis in mobile»	62
Глава IX. Гнев Неда Ленда	71
Глава X. Обитатель морей	79
Глава XI. «Наутилус»	90
Глава XII. Все посредством электричества	100
Глава XIII. В области цифр	108
Глава XIV. Черная река	117
Глава XV. Письменное приглашение	130
Глава XVI. Прогулка по равнине	140
Глава XVII. Подводный лес	148
Глава XVIII. Четыре тысячи лье под поверхностью Тихого океана	156
Глава XIX. Ваникоро	165
Глава XX. Торресов пролив	177
Глава XXI. Несколько дней на земле	186
Глава XXII. Молния капитана Немо	199
Глава XXIII. Aegri Somnia	211
Глава XXIV. Коралловое царство	221

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I. Индийский океан	231
Глава II. Новое предложение капитана Немо	244
Глава III. Жемчужина в десять миллионов	256
Глава IV. Красное море	269
Глава V. Аравийский туннель	285
Глава VI. Греческий архипелаг	295
Глава VII. Через Средиземное море за сорок восемь часов	309
Глава VIII. Залив Виго	321
Глава IX. Исчезнувший материк	334
Глава X. Подводная каменноугольная копь	346
Глава XI. Саргассово море	358
Глава XII. Кашалоты и киты	370
Глава XIII. Ледяные поля	384
Глава XIV. Южный полюс	398
Глава XV. Несчастье или приключение?	414
Глава XVI. Недостаток воздуха	424
Глава XVII. От мыса Горн до реки Амазонки	436
Глава XVIII. Осьминоги	449
Глава XIX. Гольфстрим	462
Глава XX. Под 47° 24' широты и 17° 28' долготы.	475
Глава XXI. Гекатомба	485
Глава XXII. Последние слова капитана Немо	497
Заключение	505